

19. Михайлов, Андрей Михайлов, крестьянин. Привлекался в 1900 году по обвинению в государственном преступлении при спб. губернском жандармском управлении к дознанию, и з разрешении такового по высочайшему повелению, последовавшему 20 февраля 1902 года, ему вменено в наказание время, проведенное им под стражей и отбытием тюремного заключения в течение двух месяцев. Последовало распоряжение департамента полиции о воспрещении Михайлову жительства в С.-Петербурге впредь до особого распоряжения. Состоя в 1905 и 1906 гг. членом боевой дружины, Михайлов хранил у себя револьвер «Жан Крафта» («Джон Графтон». — С. П.). В мае 1907 года был арестован в числе других лиц в деревне Куоккала финляндскими властями за участие в изготовлении взрывчатых веществ и с приговором выборгского гофгерихта передан на распоряжение начальника спб. губернского жандармского управления.

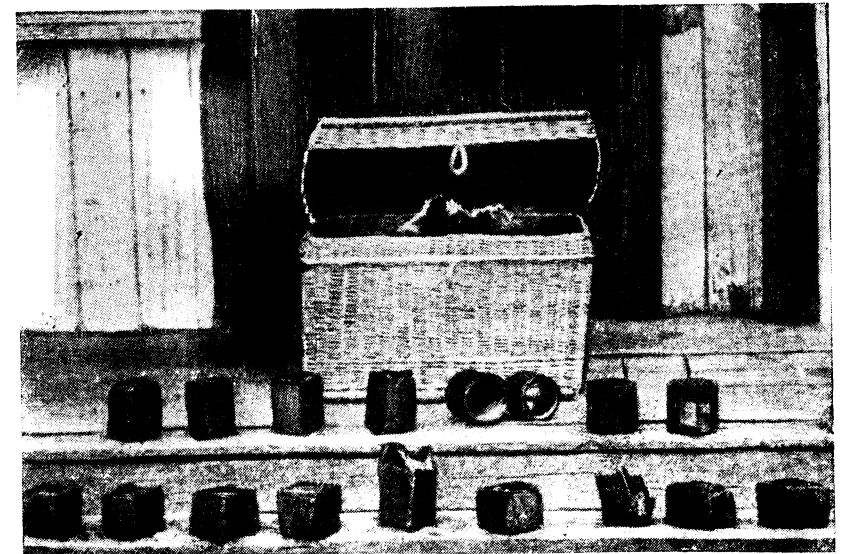
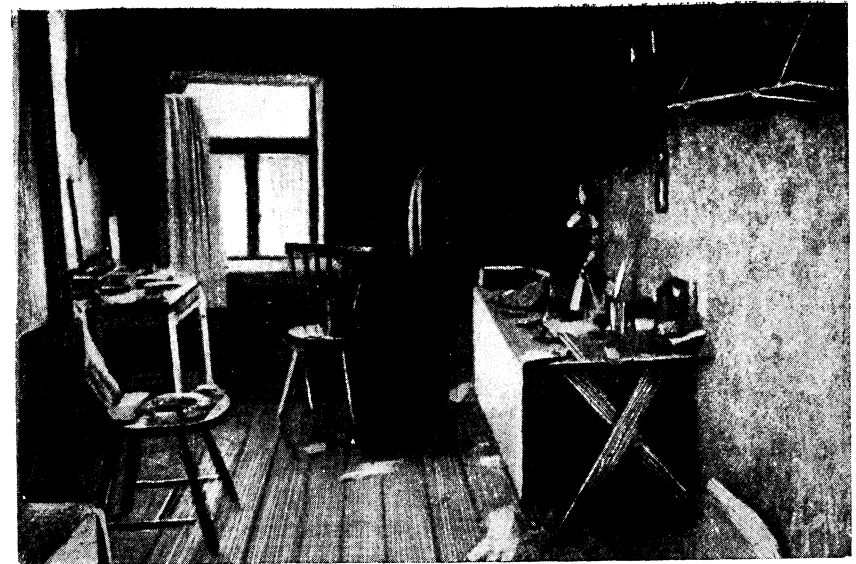
20. Ермолаев, Михаил Ермолаев, крестьянин, В декабре 1905 года был арестован в мастерской изготовления взрывчатых снарядов, но 25 марта 1906 года бежал из пересыльной тюрьмы. До ареста состоял сотским в боевой дружине, проживал по подложному паспорту на имя Генриха Битнера. В революционной организации известен был под кличками «Степана Иванова», «Гарде», «Гордеева» и «Гордого», участвовал в нападении на трактир «Тверь».

С. Познер

КАК ВОЗНИКЛА ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ДРУЖИНА ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ В 1905 ГОДУ.

Тяжелые впечатления кровавого воскресенья 1905 года вызвали у меня страстное желание мести врагам рабочего класса. Это состояние переживали многие рабочие завода и оно привело нас к сознанию необходимости действовать и только действовать. В такой обстановке возникла первая рабочая боевая дружина — это было приблизительно в феврале-марте 1905 года. На бывшем Семянниковском заводе (теперь завод им. Ленина) революционно настроенные рабочие начали сами готовить себе оружие. В мастерских завода ковали мечи, пики, топоры, брали резиновые шланги от пневматических сверл, шланги эти резали на куски наливали в них вершка два свинца — и действовали ими как хорошей дубинкой. Мы раздобыли себе три револьвера системы Смит, один браунинг и велодог, а также по несколько к ним патронов. Нами были сделаны четыре самодельных мелкокалиберных пушки, названные «самопалами»: сделаны они были из концов паровозных труб с некоторыми приспособлениями, заряжались порохом и железной «выдрой» (осколками), зажигался такой снаряд папироской, приложенной к отверстию.

Употреблять их не пришлось, но по такому типу мы стали изготовлять себе pistols. Так вооружалась первая «рабочая охрана». Собирались мы открыто в новой проходной завода по Прогонному переулку, сами еще хорошо не

Вверху: школа-лаборатория в дер. Хаапала (из приложения к газете „Новое время“ за май 1907 г.). Внизу: корзина с бомбами, находившаяся в лаборатории. Две крайние бомбы с фителями уже готовы. (Из приложения к газете „Новое время“ за май 1907 г.).

представляли, как мы будем действовать. Рабочие завода стали приходить в нашу сторожку с жалобами на растущее хулиганство «черной сотни», от которого страдали семьи и жилища рабочих. Наши дружинники взялись за этих хулиганов. В результате борьбы с ними мы приобрели большую симпатию среди широкой заводской массы рабочих. Рабочие стали смотреть на нашу дружину, как на настоящую охрану их жизни и к нам стали поступать различные сведения о том, что делается на заводе, какие меры предпринимаются администрацией против рабочих, где полиция собирается сделать обыск и т. п. Многие рабочие приносили к нам свои охотничьи ружья. В дальнейшем у нас явилась мысль вооружаться бомбами. Первые бомбы были изготовлены в медницкой мастерской завода и начинялись самодельным порохом, состоящим из серы, угля и селитры, запалом служила смесь бертолетовой соли с сахаром (македонская смесь). Испытания этих бомб производились в Черновском лесу, около Ивановских порогов реки Невы. Результаты опытов были вполне удовлетворительны. Престиж наш среди заводских рабочих очень вырос, и даже стали ходить слухи, что наша дружина численностью доходит до нескольких сот человек. Рабочие начали делать сборы на покупку оружия, первые 10 браунингов мы купили в Финляндии в Териоках у хозяина кафе «Товарищ», где в то время собирались русские революционеры.

Летом 1905 года на одном из собраний на Черной речке дружинники Антон Величко и Павлуша Цабо сообщили нам, что Центральный комитет партии большевиков постановил организовывать рабочие дружины и что оружие будет получаться якобы из-за границы. В августе 1905 года наша дружина получила от организации пять винтовок в разобранном виде и пять цинковых ящиков с патронами.

Осенью 1905 года у нас в районе сильно стали расти черносотенные банды. По улицам гарцовали казаки. Наряду с нашей большевистской рабочей дружиной, эсеры организовывали свои боевые группы, прятались, как они выражались, в «глубоком подполье», иногда выскакивали из него, делали никому не нужные выстрелы в сторону удалявшихся казаков, что весьма раздражало их. Нам же они этим очень мешали в работе.

Эсеровские дружинники придумали себе особую форму, которая состояла из черной сатиновой рубахи и широкого кожаного ремня. Щеголяя в таком наряде, они обращали на себя внимание шпиков и полиции, и несмотря на свое «глубокое подполье» к ним в организацию очень легко пробирались провокаторы и тому подобные элементы. Наши

большевистские дружинники внешне ровно ничем не отличались от общей массы рабочих и организация дружин была построена конспиративно.

Мы уже не собирались в проходной завода, полиция почувствовала снова себя сильной, городских вооружили маузерами, но мы задались целью отобрать их у городских.

В сентябре разоружили трех городовиков, отняли у них новенькие с кобурами маузеры. Склад оружия находился в моей квартире по Б. Смоленскому пр., д. № 2. Черная сотня начала наступать на рабочих, избивала при каждом удобном случае, делала обыски в квартирах рабочих и не гнушалась при этом обворовывать их. Мы разделились на группы по охране улиц и на каждый шум сбегались с разных дворов, выручая от налетов черносотенцев наших рабочих.

В мастерских завода на угрозы черносотенцев рабочие говорили: «вот вам покажут наши боевики, разгромят ваши черносотенные гнезда, вместе с вашим штабом». Такой штаб, действительно, имелся у них по Прогонному переулку в доме № 15, в чайной «Тверь». Эти угрозы рабочих были предвестником организованного нападения наших боевых дружин на черносотенные банды.

Черносотенцы бесчинствовали, арестовывали рабочих на самом заводе, их предводитель доктор Дубровин приезжал в район и инструктировал черносотенцев. Наши склады к этому времени обогатились несколькими десятками револьверов и до 50 бомб.

Часть из них доставлялась нам Боевой группой при ЦК, нам для конспирации говорили, что они получены из Финляндии. Были у нас бомбы и своего мастерства, которые имели форму обточенных цилиндров. К этим цилиндрам в медницкой мастерской мы паяли крышки. Начиняли же бомбы в квартирах дружинников — у Павлуши Цабо, у меня и др.

Не все гладко проходило у нас в «лаборатории», однажды, вставляя стеклянный змеевичек, наполненный соляной кислотой, в оболочку бомбы, начиненной мелинитом, один из наших техников почувствовал, что при заворачивании трубочка треснула, он сильно побледнел, попросил всех нас из квартиры уйти, но мы только посторонились от него. Сам же он, не теряя самообладания, с большой осторожностью стал отвертывать и вынимать ударник, едва он успел вынуть из оболочки бомбы трубочку, как она развалилась, и кислота благополучно вылилась на пол. Счастливого тогда мы миновали взрыва.

В декабре 1905 года у нас появилось 15 винтовок и к ним 1.000 патронов, а также один винчестер с 120 патронами.

Все это передавалось нам Боевой группой. Нашей боевой работе очень мешали меньшевики, они выступали на заводских собраниях с критикой действий наших дружинников, мотивируя ее тем, что наши выступления мешают делу революции.

В феврале 1906 года Петербургским комитетом в наш район был направлен в качестве организатора боевой подготовки товарищ «Лазарь» (Шкляев). Под его руководством дружины перестроились по военному образцу. У нас с ним происходили практические занятия за Невой в Киновиевском лесу. Они состояли из стрельбы в цель дробью, изредка боевыми патронами, которые дружинники очень берегли; изучали тактику уличного боя, производили упражнения развернутым фронтом, выполняли стрелковые саперные приемы и мн. др. Наши склады при содействии «Лазаря» пополнились трехлинейными винтовками. К концу 1906 года мы имели 236 винтовок, 125 бомб разных систем, 67 револьверов и 5 винчестеров, а также 4 самопала собственного производства. «Лазарь» доставил нам пулемет «Рота». У эсеров пошли большие провалы, не помогало им «глубокое подполье», после их провалов часть оружия досталась нам. Эсерам очень хотелось объединиться с нами на боевой работе, приходили даже к нам их парламентареры, но не нравились они нам, очень уж напыщенно и высокопарно говорили о своих больших планах, о том, как надо расстреливать полицию и пр. На деле же у них ровно ничего не вышло: некоторые из наших рабочих-дружинников, как Вася Сухлеев и Владимир Шелковников, хотели быть примирителями с меньшевиками и эсерами, но успеха не имели. Приезжали к нам большевики-дружинники из других районов — Путиловского, Васильеостровского. От первого был Орлов, от второго — Паршенков Илларион.

После поражения декабрьского московского восстания, у нас были большие принципиальные споры с меньшевиками и эсерами, они пошли на попятную. Стали говорить, что не надо было начинать такой борьбы. Мы же горячо отстаивали необходимость организованно и вооруженной рукой бороться с самодержавием, причем доказывали, что необходимо рабочим еще больше спланиваться и строить сильные организации. Заводские рабочие верили нам, они с первых же дней революции видели, как дружинники, не щадя себя, выступали на защиту их семей, их жилищ и дела всего рабочего класса. Во время забастовок дружинники всегда были в передовых рядах на массовках, по охране собраний, по борьбе с черной сотней и т. п.

Большевики в Невском районе завоевали большинство

рабочих на свою сторону. Наша агитация на заводе среди рабочих масс велась в смысле разъяснения позиции меньшевиков, которая клонилась к тому, чтобы не обострять отношений с буржуазией и делать вместе с нею буржуазную революцию, в которой первое место они отводили либеральной буржуазии.

Но мы рассуждали по своему, например, наш рабочий медницкой мастерской, Григорий Соловьев, попросту говорил: «а что же нам даст богач? Он постарается в революции взять все, что ему выгоднее, воспользуется силами рабочих, а потом отшвырнет их и будет эксплуатировать еще больше. Мы же, рабочие, должны сами добиться лучшей доли, а за нами вместе пойдут бедняки деревень, сел и будут бороться за землю».

Появилась у нас в районе черносотенная литература — листки под редакцией доктора Дубровина, в которых говорилось о борьбе за «веру, царя и отечество», и восхвалялись верные преданные царю люди черных сотен. Распространялась и книженка под названием «Черные миллионы», но рабочие эту литературу не читали. Увидав ее у рабочего Григория Соловьева, которого по-дружески звали «батька Гриша», а жену его «мать Аксинья», у которых мы постоянно находили самый радушный приют, я спросил, зачем он держит у себя эту дрянь. Тот усмехнулся и ответил, что с часу на час ждет разгрома своей квартиры черной сотней и думает, что эта литература заставит их быть немножко по тише.

В декабре 1905 года было собрание дружинников, на квартире у О. А. Гржибовской по Палевскому проспекту, решено было разбить штаб черной сотни, находившийся в трактире «Тверь». Поручили мы товарищам Гржибовской и Антону Величко согласовать этот вопрос с районным и Петербургским комитетами и вскоре получили разрешение на разгром черных банд.

Помню после этого все как-то сразу стали более серьезны, вдумчивы и осторожны. Стали все конспиративнее, думали о том, как бы не провалилось задуманное дело. О дне разгрома знали немногие товарищи — Гржибовская, Величко, Метлин, Сухлеев, Галя Кауфман.

В квартире Павлуши Цабо точно договорились о том, как организовать нападение на чайную. Насколько я помню, бросить бомбы в черносотенный штаб должны были дружинники Смирнов и Григорьев, остальным было поручено прикрыть отступление и после взрыва бить черную банду нещадно.

Я должен был проверить все окружные дворы, нет ли там

засады черной сотни или полиции. Каково же было мое удивление, когда я во время этой проверки находил наших дружинников, которые сами пришли на помощь организаторам.

Как после оказалось, каждый, кто знал о дне разгрома, сказал самым ближайшим своим товарищам дружинникам-рабочим, и те, попрятавшись во дворах, решили в нужный момент оказать помощь главным организаторам этого выступления. Таким образом оказалось, что весь Прогонный переулок был как бы начинен нашими дружинниками. Не дали бы они в обиду в случае, если бы дело сорвалось и с нами началась расправа. Ровно в 9 часов Сухлеев, идя мне навстречу по переулку, тихо спросил: «все ли готово?» Я ответил, что все сделано, но необходимо спешить, так как одна большая группа черносотенцев уже вышла из чайной «Тверь».

Имея при себе револьвер, я встал неподалеку от чайной и смотрел за всем происходящим. Решено было, в случае необходимости, отступить по проходному двору дома Буса, который вел на Озерный пер. Послышались взрывы, взорвались две бомбы, брошенные в окно «Твери». Потухли огни, лишь освещал фонарь, находящийся против чайной. Вскоре стали оттуда с криком выбегать черносотенцы, но навстречу им затрещали выстрелы наших дружинников. Не прошло и нескольких минут, как наши дружинники по своим намеченным путям скрылись после нападения. Как мне помнится, в результате этого нападения было двое убитых и 15 раненых черносотенцев. С нашей стороны совершенно не было пострадавших. Но в отместку нам за это нападение, несколько оправившись, черносотенцы избивали всех рабочих, попадавших на улице.

Наши рабочие, услышав о взрыве, приняли все меры предосторожности, многие из них не ночевали дома. На другой день, когда я рано утром пришел домой, мать мне рассказала, что поздно ночью ворвалась к нам в квартиру пьяная черная банда и с криком требовала у матери, чтобы она указала, где я нахожусь. А на заводе в мастерской среди революционно настроенных рабочих было ликование. Весело говорили о разгроме черных банд и строили планы, как надо окончательно добить ненавистных погромщиков, так как оказалось, что в вечер нападения на «Тверь» главарей там не было.

Похороны черносотенцев сопровождалась охраной полиции. За гробом шла администрация завода и представители военных чинов, во главе с доктором Дубровиным. Рабочие, попадавшие навстречу этой черносотенной процессии,

спешили удалиться в улицы и переулки. В тот же день вечером по всей заставе раз'езжали патрули казаков, полицейей видимо, что-то подготавливалось. Наши же дружинники группировались по несколько человек в квартирах товарищей, но в своих собственных они не показывались, таких конспиративных квартир было у нас вполне достаточно, потому что тысячи рабочих были с нами и за нас и оказывали нам всяческую помощь. Наши дружинники решили проучить казаков: по вечерам дружинники перегораживали темные переулки толстой проволокой и дождавшись момента, когда поблизости появлялись казаки, производили выстрелы, или кидали небольшую бертолетовую бомбу, казаки карьером неслись на выстрелы, лошади спотыкались о проволоку, падали, сваливая и казаков. Нам это блестяще удалось проделывать несколько раз, после чего у казаков видимо стала пропадать охота гоняться за нами.

Нам нужно было спешить с окончательным разгромом черной сотни. В конце апреля 1906 года был убит дружинниками на заводе главарь черной сотни, а 1 мая был также убит нашим дружинником его помощник.

Значительно позднее один из этих дружинников Павлуша Шульман был арестован, заключен в тюрьму «Кресты» и умер в тюремной больнице осенью 1907 года.

В то же время наши дружинники отобрали фотографию, на которой были изображены 150 черносотенцев с револьверами в руках. По этой карточке дружинники на заводах и фабриках стали опознавать черносотенцев, избивали их основательно, отбирали у них револьверы и их значки с Георгием победоносцем. Видимо допекли их изрядно, так как погромы стали утихать и даже начались на заводе раскаяния черносотенцев.

Так боевая дружина большевиков к концу 1906 года окончательно ликвидировала в районе Невской заставы черносотенные банды.

Победа наших дружинников произвела большое впечатление и в других районах Питера¹⁾. К нам пришли из района

¹ Состав боевой дружины района Невской заставы 1905—1906 годов:

1. Шкляев А. С., «Лазарь», инструктор боевой дружины. (Был член Всесоюзного О-ва старых большевиков, умер в августе 1933 г.).
2. Кауфман Галя, секретарь подрайона
3. Русецкий Алеша — рабочий.
4. В. Сухлеев — рабочий. Освобожден был в 1917 г. из каторжной владимирской тюрьмы, умер в 1919 г. от туберкулеза.
5. Панфилов Вася, «Ястреб», был убит на Урале в отряде Лбоза.
6. Шелковников В. — рабочий.

Васильевского острова Паршенков, Лудников Михаил и др. и стали с нами советоваться, как повести борьбу с черной сотней в других районах. Иногда предлагались такие планы, которые «Лазарь» решительно отклонял, потому что они не имели прямого отношения к нашим боевым задачам.

Проникала в наши ряды и провокация, были такие случаи, что после первого ареста под давлением жандармов кое-кто стал выдавать. Вот по такому-то доносу в январе 1907 года ко мне явилась полиция. У меня тогда хранилось оружие и бомбы, запрятано все было очень хорошо, да и моя мать так ловко держалась при обыске, что полиция ушла ни с чем. А рано утром мы очистили всю нашу квартиру, после чего через несколько часов явилась снова полиция и стала искать именно в тех местах, где незадолго до того было спрятано оружие, ломали полы, шарили повсюду, конечно, ничего не нашли. Я был арестован и вскоре выслан из Питера.

В январе 1908 г. я снова попался в лапы жандармов, тут они мне напомнили мои боевые дела, основательно избив меня. Я просидел в выборгской тюрьме «Крестах» около года и был сослан в Туруханский край на 4 года.

А. Зарубкин («Шуранья»)

7. Поляков Н. — рабочий, в настоящее время заведует ФЗУ на заводе им. Ленина в Ленинграде.
8. Немчинов — рабочий, в конце 1906 г. эмигрировал в Америку.
9. Гребнев Н. — рабочий.
10. Цуккер — рабочий.
11. Острейко Людвиг — рабочий.
12. Калашников Вася — рабочий, член О-ва политкаторжан.
13. Гордеев Н. — рабочий.
14. Яковлев Андрей — рабочий, погиб в Сибири.
15. Панцерный Ваня — рабочий, расстрелян чехо-словаками.
16. Успенский Г. — рабочий.
17. Александров Иван, «Сивка-Бурка», — рабочий, умер в «Крестах» 1908 г.
18. Шульман Павлуша — рабочий, умер в «Крестах».
19. Гржибовская Ольга Антоновна — умерла в Петербурге в тюрьме предварительного заключения в 1908 г.
20. Зарубкин А. — рабочий, член ВОСБ.
21. Антон Величко — рабочий.
22. Ваня «Охтенский» — убит стражниками на Урале в 1907 г.
23. Николаев Андрей, «Сынок», — рабочий, член ВКП(б).
24. Митрофанов М. — рабочий завода им. Ленина, член ВКП(б).
25. Паршенков Илларион — рабочий, в 1908 г. был арестован и казнен.
26. Смирнов — рабочий.
27. Григорьев Н. — рабочий.
28. Данилов М. Г. — член ВОСБ, работает в Ленинграде.
29. Стальфот — рабочий, казнен в 1906 г. за хранение бомб в Петербурге.
30. «Софья Сергеевна».
31. Михайлов — рабочий.